

Мельничук-Лебедева Е.А. УДК 811.112.2'282.2(494)
НЕМЕЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ В ШВЕЙЦАРИИ –
ОСОБЕННОСТИ, СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Выбор темы обусловлен актуальностью проблемы социальной стратификации языка, занимающей центральную позицию в современных социолингвистических исследованиях.

Цель данной статьи – продемонстрировать на конкретных примерах особенности использования немецкого литературного языка и швейцарско-немецких диалектов, выявить основные социофонетические признаки данных диалектов.

Цель статьи обуславливает решение следующих задач: описание основных сфер употребления швейцарских диалектов, демонстрация некоторых социофонетических признаков.

В. М. Жирмунский подчеркивал, что «при изучении истории языка как общественного явления совершенно необходимо учитывать социально-классовое расслоение общества» [4, 16]. В своей статье «Некоторые актуальные проблемы социолингвистики» А. Д. Швейцер указывает на гетерогенность структуры языка, выражающейся в сосуществовании ряда частично перекрещивающихся подсистем, соотношение между которыми может определяться как варьированием языка в пространственной проекции (горизонтальная дифференциация), так и социальной стратификацией языка (вертикальная дифференциация) [6, 15]. Деление языка на территориальные диалекты, полудиалекты и варианты лежит в основе горизонтальной структуры. Вертикальная дифференциация подразумевает как подсистемы языка, четко и однозначно закрепленные за определенными социальными и профессиональными группами (социальные и профессиональные диалекты), так и диалекты, полудиалекты и варианты литературного языка, образующие в пределах одного и того же строго ограниченного ареала вертикальный иерархический ряд.

В последнее время заметно повысился интерес к психолингвистическим и социолингвистическим аспектам мульти- и билингвизма [1, 26]. Билингвизация - процесс овладения элементами иноязычной системы - возникает в результате контактов между народами, говорящими на разных языках. При определении соотношения языков в многоязычном обществе важно отметить следующие факторы: официальный статус языков, распространенность каждого из них, характер и степень индивидуального билингвизма, социальный престиж, генетическая близость языков [6, 16].

Одним из ключевых понятий для социолингвистической типологии является понятие языковой ситуации. По определению Л. В. Никольского, языковая ситуация - это «взаимоотношение используемых на данной территории (обычно в пределах государства) функционально стратифицированных языковых образований» [5, 35]. Некоторые ученые полагают, что языковая ситуация складывается из таких компонентов, как количество и типы языков, используемых на данной территории, степень их распространенности, сфера их использования и их социальный престиж [9, 46].

В немецкоязычной части Швейцарии употребляются две формы немецкого языка: признанная на всем немецкоязычном пространстве *Hochsprache* (литературный язык) и швейцарский вариант немецкого языка, распадающийся на множество региональных диалектов. Литературный язык употребляется, прежде всего, в письменной речи, масс-медиа, в школе, в общественной речи.

Швейцарский вариант, так называемый *Schwyzertütsch*, служит своеобразным эквивалентом разговорному языку, не сложившемуся в процессе исторического развития языковой ситуации в Швейцарии. В то же время, данная форма достаточно редко встречается в письменной речи, находя применение в личной корреспонденции (чаще всего молодежи), обнаруживая при этом индивидуальную орфографию. Тем не менее, *Schwyzertütsch* играет значительную роль в швейцарском сообществе, что доказывает следующий факт: иностранцы, желающие получить швейцарское гражданство, обязаны обладать достаточными знаниями *Schwyzertütsch*. В положении «О получении гражданства города Цюрих» в пункте 7 указывается следующее: "От кандидатов на получение гражданства требуется ... знание швейцарского варианта немецкого языка и умение говорить на одном из швейцарских диалектов» [10, 12]. Таким образом, языковая ситуация в Швейцарии представляет собой яркий пример диглоссии: в одном языковом обществе используются две формы одного языка и каждая из них имеет собственные сферы употребления. При этом, обе формы четко различаются между собой - каких либо смешанных / переходных форм не существует. Швейцарцы всегда осознанно используют ту или иную форму. Переход на литературный язык (часто вынужденный) всегда обусловлен определенной ситуацией. Случайного / постепенного перехода от диалекта к литературному языку не наблюдается.

В отличие от швейцарской диглоссии, в Германии и Австрии наблюдается континуум литературного языка и диалекта: в зависимости от ситуации здесь используется регионально окрашенный вариант разговорной речи. «Во время беседы с соседями речь немца близка к диалекту, при разговоре с учителем – к стандарту, с профессором университета из другой местности немец постарается перейти на литературный язык» [10, 14]. В больших городах речь представителей высшего слоя общества в гораздо большей степени приближена к литературному языку, чем к диалекту. Представители низшего слоя используют диалект. Регионально окрашенная разговорная речь и диалект представляют собой конкурентные формы разговорной речи, что ставит диалект, как форму с наименьшим социальным престижем, под угрозу исчезновения [10, 15]. Положение диалекта в Швейцарии, как формы разговорной речи всех социальных слоев, напротив, не подвергается сомнению. То, что в немецкоязычной Швейцарии профессор и рабочий,

не имеющий образования, сельский житель и священник говорят на одном языке, играет важнейшую роль для ощущения собственного «я» индивида. Использование одной речевой формы является выражением демократической традиции, отличающей Швейцарию от таких стран как Германия или Великобритания, где вследствие выраженного феодального общественного порядка наблюдаются яркие различия в речи разных социальных слоев. Тем не менее, социолингвистические исследования последних лет показывают, что речи разных социальных слоев Швейцарии также присущи некоторые специфические черты. Так, в западных немецкоязычных городах образовались диалектные варианты, четко отличающие представителей высшего слоя населения от низшего. Если ранее данные различия осознанно сохранялись носителями этих вариантов, то в настоящее время по причине высокой социальной и региональной мобильности они близки к исчезновению. Парадоксальным является тот факт, что не низшие слои заимствуют элементы, характерные речи представителей высших социальных слоев, но речь высшего социального слоя принимает особенности речи низшего. Здесь в качестве наглядного примера необходимо подробнее рассмотреть явление [ɪ]-вокализации. Под [ɪ]-вокализацией понимаются произношение звука [ɪ] как [u]: [valt] - [vaut], [kalt] - [kaut], [fɪ: gəl] - [fɪ: gu]. Данное явление наблюдается в некоторых западных диалектах, а также в Берне и его окрестностях. Здесь [ɪ]-вокализация является характерной для представителей низшего социального слоя. Представители высшего социального слоя традиционно придерживаются произношения звука [ɪ], в настоящее время однако, в речи молодого поколения высшего слоя часто имеет место произношение [ɪ] как [u]. Таким образом, наиболее употребительный вариант произношения просочился в речь высшего социального слоя.

Что касается сфер употребления речевых форм в диглосном языковом обществе, то они не являются установленными раз и навсегда, но меняются с течением времени. В XX веке, в особенности после окончания Второй мировой войны, диалект проникает в сферы, в которых до этого употреблялся исключительно немецкий литературный язык [9, 45]. В этот период литературный язык становится исключительно официальным средством общения. В остальных коммуникативных ситуациях используется диалект.

В политической среде выбор той или иной речевой формы представляет собой сложную картину. Так, в обеих Палатах швейцарского парламента представители немецкоязычной части Швейцарии обязаны использовать литературный язык [10, 26]. Это объясняется присутствием представителей иноязычных областей страны. Результаты голосования объявляются на немецком и французском языках. На уровне кантональных парламентов примечательна ситуация, сложившаяся в Берне: в данном регионе диалект имеет особое значение, и это подтверждается тем фактом, что немецкоязычные парламентарии используют в своей речи диалект, занимающий в данном регионе полноправную позицию с французским языком.

В сфере радио и телевидения сложилась неоднозначная ситуация: если для государственных каналов характерна литературная речь, то частные каналы тяготеют к выбору диалекта. Новости и официальные сообщения (обращения, извещения, сообщения о ситуации на дорогах) ведутся на т.н. *Hochdeutsch*.

Основной сферой употребления литературного языка является школа. Обучение немецкому литературному языку в швейцарской школе происходит постепенно: в первый год обучения проводится на диалекте, в течение второго года осуществляется постепенный переход на литературный язык. Однако тексты для уроков чтения с самого начала обучения даются на литературном языке. В дальнейшем языком преподавания становится исключительно литературный язык. Однако, как утверждает Б. Зибенхаар, литературная речь имеет место только в процессе урока: беседы с учениками после урока, организационные замечания перед ним, беседы преподавателей на переменах – все это осуществляется на диалекте [10, 30].

Что касается духовной сферы, почти половина всех проповедей в протестантских церквях проводится на *Schwyzertütsch*, в то время как чтение религиозных текстов осуществляется на *Hochsprache*. Таким образом, как отмечает Б. Зибенхаар, *Hochsprache* и *Schwyzertütsch* в богослужениях идут рука об руку, однако в воскресных богослужениях слегка преобладают элементы литературной речи, в то время как в семейных и вечерних превалирует диалект.

Основные различия швейцарских диалектов заключаются, прежде всего, в звучании, а также в грамматических формах. Примечательными являются различия в дифтонгизации. Так, например, слово «schneien» [ʃainən] в южных диалектах звучит как [ʃni: ə], в северных - [ʃneje].

Яркие различия в звуковой системе касаются как гласных, так и согласных. Для швейцарских диалектов наиболее характерна реализация велярного спиранта [kʷ]: лит. [kalt], швейц. [kʷalt].

Согласный «к», обозначаемый на письме буквосочетанием «ск» звучит в швейцарском варианте как [kç]: [vekçən], [zakç].

Звуки [b], [d] и [g] реализуются в швейцарском варианте немецкого языка как глухие, в восточных диалектах они реализуются без аспирации: лит. «bitte» – швейц. [pitte], лит. «danke» – швейц. [tankçe]. Аспирация звуков [p] и [t] наблюдается, однако, в заимствованных словах и словах иностранного происхождения. Интерес представляет и такая фонологическая особенность швейцарских диалектов (роднящая их южно-немецкими диалектами) как произношение буквосочетания «st»: во всех позициях в слове данное буквосочетание произносится как [st]: лит. «Mist» - швейц. [miʃt], лит. «Ast» - швейц. [aʃt], лит. «fest» - швейц. [feʃt]. Вокалическая система немецкого языка в процессе развития от средневерхненемецкого языка к нововверхнемецкому подверглась многочисленным изменениям, которые не были зафиксированы швейцарскими диалектами. Так, средневерхненемецкие долгие гласные [i:], [u:], [y:] в немецкой литературной речи реализуются как дифтонги [ae], [aɪ], [ɔi], в швейцарских диалектах этого не наблюдается:

Mittelhochdeutsch	Schweizerdeutsch	Neuhochdeutsch
Slîchen [□li:çən]	Schlyche [□li:çə]	Schleichen [□laeçən]
Hûs [hu:s]	Huus [hu:s]	Haus [ha□s]
liut [ly:t]	Lüüt [ly:t]	Leute [l□itə]

Нисходящие дифтонги [ie], [uo], [ue] средневерхненемецкого периода немецкой литературной речи реализуются как простые долгие гласные [i], [u], [y]:

Mittelhochdeutsch	Schweizerdeutsch	Neuhochdeutsch
liep [liep]	lieb [lieb]	lieb [li:p]
Ruof [ruof]	Ruef [ruof]	Ruf [ru:f]
Trüebe [truebe]	Trüeb [tueb]	Trüb [try:p]

Кроме того, большинство швейцарско-немецких диалектов сохранили краткие гласные средневерхненемецкого периода, которые в стандартном произношении стали долгими. Фонетико-фонологические сходства между средневерхненемецким и швейцарско-немецкими диалектами заметны и придают последним архаичное звучание.

Выводы: Языковая ситуация в Швейцарии служит примером диглоссии - особого варианта билингвизма, при котором на определённой территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка, применяемые их носителями в различных функциональных сферах. *Schwyzertütsch* находит применение во всех сферах общественной жизни, включая политику, телевидение, церковь. Диалект в Швейцарии является единой формой устного общения, обнаруживая при этом специфические черты, присущие речи представителей высших и низших социальных слоев. Наиболее ярко данные черты проявляются на фонетико-фонологическом уровне.

Источники и литература:

1. Верещагин Е. М. Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов (обзор литературы) / Е. М. Верещагин // Вопросы языкознания. – № 6. – 1967. – С. 26-34.
2. Домашнев А. И. К лингвистической характеристике немецкоязычного ареала Швейцарии / А. И. Домашнев // Лингвистическая карта Швейцарии. – Л., 1974. – С. 23-32.
3. Домашнев А. И. Социально-функциональная структура немецкого языка Швейцарии / А. И. Домашнев, Н. Г. Помазан // Варианты полинациональных языков. – К. : Наукова думка, 1981. – № 2. – С. 160-170.
4. Жирмунский В. М. Проблемы социальной диалектологии / В. М. Жирмунский // Немецкая диалектология. – М.; Л., 1956. – № 2.
5. Никольский Л. В. Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие / Л. В. Никольский // Язык и общество. – М. : Наука, 1968. – № 4. – С. 35-47.
6. Швейцер А. Д. Некоторые актуальные проблемы социолингвистики / А. Д. Швейцер // Методическая мозаика. – 2006. – № 2. – С. 15-26.
7. Baumgartner H. Sprachatlas der deutschen Schweiz / H. Baumgartner; hrsg. von R. Hotzenköcherle. – Bern, 1962-1992. – Bd. 1-6.
8. Kaiser S. Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprachen in der Schweiz / S. Kaiser. – Mannheim : Duden, 1969-1970. – Ver. 1.
9. Pike K. L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behaviour / K. L. Pike. – Glendale, 1954-1960.
10. Siebenhaar B. Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz / B. Siebenhaar, A. Wyler // Pro Helvetia. – 1997. – № 5. – 46 с.